

РепринтЪ: О рыцаре Байкала Григории Галазии и уроках жизни

28.11.2011 16:44

[News.babr.ru](http://news.babr.ru)

Иркутск

<http://news.babr.ru/?IDE=100109>

Т

С Валентином Григорьевичем Распутиным мы увиделись на похоронах академика Григория Ивановича Галазия. Договорились о встрече. Она состоялась не скоро: каждый день писателя расписан по минутам (В.Распутин много работает, ездит, встречается с людьми).

Но вот, наконец, мы сидим в уютных креслах Дома писателей и говорим обо всем, но, в первую очередь, о Галазии.

- Нас объединяло с Григорием Ивановичем общее дело - защита Байкала . На каком-то этапе я был вовлечен в это движение и мы часто встречались и в Москве, и в Иркутске. А поскольку я писал о Байкале , то без консультации Григория Ивановича, без той информации, которой владел лишь он, обходиться не мог.

Во второй половине 80-х поднялась волна общественного движения в защиту сибирского озера , и его лидеры, например, Фильшин и другие, были на виду. На ярком фоне таких деятелей Григорий Иванович нельзя сказать, чтобы ступшевался, но какое-то время стал меньше привлекать к себе внимание. Он был спокоен, прекрасно понимая, что все это ненадолго, что они пошумят-пошумят и сойдут, как пена. Так и получилось.

Были у Григория Ивановича, разумеется, помощники, но не было никого, равного ему. Я внимательно следил за всеми событиями вокруг Байкала , писал об этом и даже цитировал высказывания секретаря Бурятского обкома партии Модогоева, который называл Галазия "врагом бурятского народа" за выступление против создания Селенгинского картонного комбината. И в Иркутске были сильные оппоненты Галазию.

Сошли 80-е годы, начались 90-е. Я отошел от борьбы за Байкал , поскольку в России началась такая свистопляска, что не до Байкала было. А Григорий Иванович - нет. Он оказался мудрее всех нас, потому что знал, что и это сойдет. Хотя кутерьма, которая началась в России с начала 90-х, даже в нем вызвала, как мне кажется, какую-то растерянность - он стал, например, надеяться на какие-то американские проекты (помните проект Дэвиса). Меня удивляло это, и я как-то спросил: "Почему?". "Может быть, хоть это чем-то поможет", - сказал Галазий.

Но он понимал и другое - надо уповать на собственные силы. И тогда Григорий Иванович пошел в политику в надежде помочь Байкалу - он был самым немолодым среди депутатов Думы, как старейшина открывал первые заседания. Во многом благодаря Григорию Ивановичу был принят Закон о Байкале , который так долго обсуждали.

- Что, на ваш взгляд, было самым главным в Григории Ивановиче?

- Некая непоколебимость. Было много энтузиастов-защитников Байкала - ученых, писателей, общественных деятелей. Но все они, как бы отдав дань байкальской теме, сходили со сцены. А Галазий продолжал служить Байкалу всегда. И не только потому, что

был директором Лимнологического института (знавали мы и других директоров). Он просто не мог представить, что может быть какая-то другая позиция. Точно также как люди, знавшие его, не могли представить, как он в вопросах о Байкале может пойти на компромисс! Это действительно был "рыцарь без страха и упрека", который не раз "подставлял" и свою судьбу, и свою карьеру во имя достижения благородной цели. И что-то ведь все-таки делалось! Принимались правительственные постановления по Байкалу, которые хотя и не выполнялись полностью, но что-то с мертвой точки сдвигали. Отказались от сплава древесины по малым речкам, от сплава плотов по Байкалу, сократили, и существенно, вырубки лесов. Конечно, здесь заслуга не одного Григория Ивановича, но, в первую очередь, его.

Казалось бы, с приходом Горбачева таких людей, как Галазий, должны были признать. И внешне они были, как бы, признаны. Однако же Григория Ивановича даже не включили в госкомиссию по Байкалу - он в ней участвовал, но лишь как приглашенный. Думаю, при нем неловко было принимать какие-то компромиссные решения. Он был как совесть.

- Валентин Григорьевич, припомните какие-нибудь встречи с Галазием.

- В 1986 году в Иркутске действовало некое международное байкальское движение. Галазий в нем участвовал, но неактивно, как бы приглядываясь. Потом ему понравилась идея спасения пресных вод, и он решил, что это может принять какие-то конкретные формы. Нас пригласили в Японию. Он долго раздумывал, но, в конце концов, согласился. С каким достоинством он там держался! Достоинно отвечал на любой вопрос. И это сразу оценили - к нему обращались чаще, чем к другим, буквально, "на руках носили". Эффект от той поездки был огромный. Молва ведь ходит не только по газетным страницам.

- Валентин Григорьевич, видите ли вы сейчас среди наших современников, среди ученых, людей такой же нравственной стойкости?

- Начнем с того, что есть ли сейчас такие люди, как, например, Лаврентьев? Есть ученые и честные, и замечательные умы, но все-таки они на ступеньку ниже. Нет такой преданности, отданности делу, такого натяга. И цели ставятся в два раза ниже, чем ставились прежде. Мы отступаем все дальше и дальше. Если Григорий Иванович ставил целью спасти весь Байкал, то сегодняшние ученые спасают какой-то его участок.

- Но продолжатели-то есть?

- Многих волнует тема Байкала. Наш губернатор Борис Говорин, я не однажды с ним об этом говорил и не сомневаюсь в его добрых намерениях, искренне заинтересован в том, чтобы снять проблему и помочь Байкалу, но его как бы устраивает, может быть, невольно устраивает, разногласия в этом вопросе. И Академия наук, и общественность, и местные руководители - все говорят вразной и требуют разного. Согласия меж ними нет. Поэтому рождаются движения и проекты и... умирают до очередного всплеска интереса.

- Сейчас в работе очередной проект решения проблемы БЦБК, разрабатывающийся по инициативе Бориса Говорина и Гелия Жеребцова. Он прошел уже стадии обсуждения в науке, среди широкой общественности, заслушивался на правительственной комиссии и сейчас находится в детальной проработке. Трудно сказать, какой будет судьба этого проекта, но то, что он вышел уже на правительственную экспертизу, с ним ознакомился и обещал поддержку в продвижении президент Владимир Путин, когда был в Иркутске, позволяет надеяться, что 30-летняя большая проблема Байкала, возможно, будет решена.

- Дай-то Бог! К сожалению, я не знаком подробно с этой концепцией и ничего сказать о ней не могу. Я был на одном из последних заседаний Байкальской комиссии и там прозвучало, что выбросы БЦБК - это, конечно, не подарок, но если диоксины пойдут... Насколько я знаю, они уже пошли. Дай Бог ошибиться.

- Валентин Григорьевич, в своей речи по поводу вручения премии Солженицына вы сказали, что человека постигает страшное видоизменение - "уход в мир ирреальный, виртуальный, наркотизация", происходит "нравственная мутация" общества. Неужели так неизлечимо мы больны?

- Да, это происходит.

- Но ведь есть же такие, как Галазий, как ваша Дарья из "Матеры" и множество других нравственных людей, живущих среди нас. Я давно работаю с учеными, знакома со многими замечательными людьми, и мне это позволяет верить, что есть еще и чистота души и "помыслов высокое стремление".

- Безусловно. И этим мы держимся. Мы сохраняем в отличие от многих других народов доброту и широту души, ценности, делающие человека человеком. Знаю многих людей науки очень достойных, уважаю их. Но наука сейчас в таком же положении, как и литература, культура, образование. Она предана обществом. Ее тоже можно представить себе на тающей льдине среди проплывающих мимо роскошных кораблей неким новым ковчегом, спасающем человеческие ценности.

- Может, есть какой-то высший смысл в бесконечных страданиях? Может, именно потому в нашем народе так долго сохраняется нравственный, потенциал?

- Да, наш народ стоек. Сохраняются еще старые идеалы человеческого сердца: любовь и честь, жалость и гордость, сострадание и жертвенность. Но сейчас идет разрушение этих ценностей. Изгоняются со двора совесть и чистота.

- Но есть ли надежда на лучшее? Увидим ли мы ту гору Арарат, на которой начнем новую достойную жизнь?

- На то воля Божья. Думаю, что нам еще долго придется проходить через страдания, нравственные испытания, долго искупать тот грех, который совершили - предали Россию, дела предков наших, собиравших ее по крупицам, позволили разрушить ее. Но уже становится легче. Это прежде нужно было хвататься за соломинку, чтобы выстоять. Сейчас удалось кое-что сделать, удалось устоять в самом трудном искушении.

Конечно, идет всю распродажа идей и ценностей, конечно, продолжает действовать змеиный клубок вокруг власти. Устраивают поход и против президента. Путин, мне кажется, не все успевает, но я верю в него, потому что те действия, которые он предпринимает, убеждают.

Остается сложным положение с образованием и культурой. Здесь нужны срочные и серьезные решения. Но уже заметно, что мы начинаем отходить от потока изобличительной лжи и навязанной чужой культурой пошлости. Появляются талантливые произведения. Я часто бываю в отдаленных районах, в так называемых малых городах и чувствую там настроение людей, возрождение патриотизма. Люди начинают подниматься с колен, начинают разворачиваться. На мой взгляд, именно с регионов пойдет возрождение России.

- Так что же произойдет со всеми нами?

- Трудно сказать. Знаю, что мы станем другими. Кому-то это даже и нравится, в частности, молодым. Но мы прожили долгую жизнь и понимаем, что безвозвратно что-то утратили. Разное пережил наш народ, но держался плеча друг друга. Всю жизнь буду, помнить, как меня в годы войны отправляли в школу. Матери с нами было очень тяжело, отец тогда был в тюрьме. И по крохам, кто чем мог, помогали мне земляки-сельчане. Разве такое забудешь?

- "Уроки Французского"?

- Наиважнейшие для ребенка уроки жизни! Если бы каждый из нас мог осознать, что человеческая опорность никем больше как самим человеком не выстроится и не на чем более, как на заповедных началах, выстроиться не может. Если бы могли мы следовать этому и примером жизни своей передать это осознание детям...

Беседовала Галина Киселева

Наука в Сибири, № 36 (2272), 15 сентября 2000 г.